

© 1993 г.

К. МАННГЕЙМ

КОНСЕРВАТИВНАЯ МЫСЛЬ*

2. Теоретическое ядро консервативной мысли

Вот и вторая фаза нашего исследования. Мы описали основной импульс, скрытый за консерватизмом в его дотеоретической, примитивной форме. Теперь следует задаться вопросом, существует ли какое-либо теоретическое ядро, какая-то проблема в самом центре консервативной мысли в ее более развитой форме, анализ которой дал бы нам ясное видение основных методологических черт этого идейного направления.

Такая ключевая для консерватизма проблема существует. Консервативная мысль появилась как независимое течение, когда ее вынудили к сознательной оппозиции буржуазно-революционной мысли, способу мышления, основанному на идее естественного права. То, что прежде было более или менее скрытым импульсом мышления, обрело теперь теоретическое ядро, вокруг которого могло кристаллизоваться и развиваться. У противника была «система», что вынудило консерватизм развивать собственную «контрсистему». Не следует, разумеется, попадать в ловушку Штала, полагая, что в столкновение пришли две изолированные и четко сформулированные системы мысли. Консерватизм и либерально-буржуазная мысль — это не готовые системы, а способы мышления, непрерывно подвергающиеся изменениям. Консерватизм хотел не только мыслить иначе, чем его либеральные противники, он хотел, чтобы само мышление было иным, и именно этот импульс был дополнительным фактором, приведшим к возникновению новой формы мышления.

Для консерваторов ключевой проблемой была оппозиция мышлению, основанному на естественном поле. Проведем классификацию всех черт, характерных для мысли, посвященной натуральному праву, и сравним их с соответствующими чертами консервативного мышления. Наша классификация делится на перечни содержательных и формальных черт, или методологию.

А. Содержание мысли, основанной на естественном праве:

1) Доктрина «естественного состояния»;

2) Доктрина общественного договора;

3) Доктрина суверенитета народа;

4) Доктрина неотъемлемых прав человека (жизнь, свобода, собственность, право сопротивляться тирании и т.д.).

Б. Методологические черты мысли, основанной на естественном праве:

1) Рационализм как метод решения проблем;

2) Дедуктивное следование от одного общего принципа к конкретным случаям;

3) Постулат всеобщей правомочности для каждого индивидуума;

4) Постулат универсальной применимости всех законов для всех исторических и общественных общностей;

* Продолжение. Начало см. в №№ 1,4, 1993.

5) Атомизм и механицизм: составные целостности (государство, право и т.д.) конструируются из изолированных индивидуумов или факторов;

6) Статическое мышление (правильное понимание считается самодостаточной, автономной сферой, независимой от влияния истории).

Наиболее обещающий способ проникновения в структуру консервативной мысли состоит в том, чтобы исследовать, как она противостояла всем этим аспектам мысли, основанной на естественном праве.

Консерваторы атаковали содержание концепций, основанных на естественном праве, ставили под вопрос идею естественного состояния, общественного договора и принципы суверенности народа и прав человека.

Методологическая критика приняла следующий оборот:

1) Консерваторы заменяли Разум такими понятиями, как История, Жизнь и Нация.

Таким образом возникли философские проблемы, доминировавшие в течение всей эпохи. В абстрактной формулировке такие философские взгляды сосредоточены на старых проблемах «мысли» и «бытия», но их можно трактовать и как конкретные дискуссии, то есть в свете мощного опыта французской революции. Если говорить социологически, большинство философских школ, ставящих «мышление» прежде «бытия», имеет корни либо в буржуазно-революционной, либо в бюрократической психике, в то время как большинство школ, ставящих «бытие» прежде «мышления», происходит из идеологического противодействия романтизма, особенно из опыта, связанного с контрреволюцией.

2) Дедуктивным наклонностям школы естественного права консерватор противопоставляет иррационализм действительности. Проблема иррационализма — это вторая большая проблема данного периода: она приняла такую форму, которая заставляет искать ее социологические корни во французской революции. Проблема соотношения генезиса и правомочности приобретает современное значение в ходе этих идейных столкновений.

3) В ответ на либеральные постулаты всеобщего значения для всех консерватор ставит проблему индивидуума радикальным образом.

4) Понятие общественного организма было введено консерваторами для противопоставления либерально-буржуазному убеждению, что все политические и социальные инновации имеют универсальное применение. Это понятие имеет особое значение, поскольку вытекает из естественного для консерваторов стремления остановить распространение французской революции, указав на невозможность переноса политических институтов одной нации на другую. Столь характерное для консервативной мысли подчёркивание качественных характеристик также происходит из этого импульса.

5) Противостоящий конструированию коллективного целого из изолированных индивидуумов и факторов, консерватизм выдвигает тип мышления, который исходит из понятия целого, которое не является простой суммой его частей. Государство и нация не должны пониматься как сумма их индивидуальных членов, напротив, индивидуум должен пониматься только как часть более широкого целого (см. понятие «народного духа»). Консерватор мыслит категорией «Мы», в то время как либерал — категорией «Я». Либерал анализирует и изолирует различные культурные области: Закон, Правительство, Экономику; консерватор стремится к обобщающему и синтетическому взгляду.

6) Одно из главных логических возражений против стиля мышления, основанного на естественном праве, — это динамическая концепция разума. Сначала консерватор противопоставляет жесткости статической теории Разума движение «Жизни» и истории. Позднее, однако, он находит значительно более радикальный метод отделаться от вечных норм Просвещения. Вместо того, чтобы рассматривать мир как вечно меняющийся в отличие от статичного Разума, он представляет сам Разум и его нормы как меняющиеся и находящиеся в движении. Таким образом, импульс противостояния мысли, основанной на естественном праве, действительно принес нечто новое,

позволил достичь новых прозрений, которые сыграли важную роль в дальнейшей эволюции.

Как уже отмечено, мы нигде не найдем консервативного мыслителя, который бы систематически атаковал естественноправовую мысль как целое; каждый из них критикует лишь определенные ее аспекты. Невозможно, таким образом, сопоставить две статичные, вполне развитые системы мышления. Все, что можно сделать, это показать два способа мышления, два способа подхода к проблемам. С нашей точки зрения, проведенный анализ дотоеретических и теоретических элементов представляет собой единственную оправданную замену определения консервативной мысли.

В следующем разделе мы оставим это общее описание консервативной мысли и обратимся к более подробному историческому и социологическому анализу.

(...) Сложная картина мысли в каждую эпоху обусловлена исторически и социально. Определенная реакция на внешние влияния, вскрывающая ее специфическую структуру, — это лишь одна из ее характерных черт, которая ведет к преобразению влияний и их приспособлению к собственным потребностям развития. Идеи 1789 г. требовали, в противоположность принципам королевского абсолютизма, строить государство «снизу», а не «сверху». Когда эти идеи проникли в Германию, они могли привести в движение, пробудить к жизни только те немецкие, особенно прусские политические элементы, которые существовали в тот момент как оформившиеся общественные силы. Это были сословия, среди которых лишь одно было политически активно, а именно дворянство. Все остальные влияния неизбежно должны были в то время оставаться чисто идеологическими.

В первые годы XIX века в Пруссии мы можем увидеть социологический эксперимент, показавший, что, собственно, происходит, когда идеи, выросшие изначально в более развитых обществах, перенимаются социально отсталым, но культурно зрелым обществом. Германия, и особенно Пруссия, сыгравшая большую роль в развитии консервативной мысли, отставала на десятки лет от стран Запада в области экономического развития, ориентированного на капитализм. Необязательно принимать оценку отставания Германии, данную Фридрихом Великим. Прав был, вероятно, Маркс, утверждая, что общественные условия в Германии в 1843 г. более или менее соответствовали французским условиям 1789 г. Во время французской революции ни Германия, ни тем более Пруссия не имели соответствующего третьего или четвертого «сословия». Процесс преобразования феодального сословного общества в общество классовое находился в ранней фазе. Пролетариат состоял из ремесленников, которые все еще жили и мыслили в рамках цеховой системы, и не реагировали на внешнее давление как класс. «Mittelstand» по сути дела не соответствовал «tiers etat». Зомбарт показал, что он ни в коем случае не был буржуазией. Политически и общественно незрелый, он не имел еще ясно определенных и осознанных целей. Будучи подвержен разнонаправленным идейным влияниям «Mittelstand» не имел определенного места в общественной системе, определенному его собственными интересами. В результате большинство его членов было политически инертно. Они с радостью приветствовали новые идеи, но были неустойчивы и склонны к переменам настроений, когда дело принимало худший оборот или события не соответствовали их ожиданиям. Все эти черты были очевидными симптомами того факта, что разнородные интересы «Mittelstand» еще не интегрировались в соответствии с классовыми разделами. Французская революция оказала относительно слабое революционизирующее влияние потому, что она вызвала только идеологический отклик: буржуазия была в то время менее способна на политические действия, чем другие социальные слои Германии.

Деятельный отклик на революцию мог возникнуть в Пруссии только в тех социальных слоях, которым их собственная история и господствующий общественный уклад позволяли действовать эффективно — в дворянстве и бюрократии. Это можно выразить с некоторым преувеличением так: важнейшее следствие французской

революции заключается в том, что конфликт между королем и народом во Франции здесь воспроизводится на более «высоком» уровне. Иными словами, он принимает вид конфликта между сословием (дворянством), строящим государство «снизу», и монархией, правящей государством «сверху» — монархией, представленной в Пруссии бюрократией. В результате возникает удивительный конгломерат влияний. Революционный импульс борьбы во Франции придает новое значение и оживляет дворянство, стремящееся строить государство и управлять им «снизу». Оно отстаивает сословные привилегии и ищет пути к «органическому» обществу, рассчитывая воссоздать корпоративную структуру средневековых общностей. Механистические, рационалистические и центристские стремления французской революции нашли, в свою очередь, сторонников среди бюрократии и были ею использованы как оружие против дворянства. Ситуацию дополнительно осложняет тот факт, что в Пруссии революция была сначала в полном смысле навязана «сверху». (Определение «революция сверху» выковано фон Гарденбергом.) Реформы, которых требовало развитие государства в направлении капитализма, были проведены абсолютистским государством при поддержке его бюрократии. Только частично они соответствовали интересам масс. До определенной степени они направлялись против дворянства.

Во Франции революция привела к возникновению защитного союза дворянства, монархии и церкви. В Пруссии реальный натиск «снизу» был слаб. В результате наступило частичное ослабление союза между дворянством и бюрократией. Эта ситуация нашла свое отражение в феодальной реакции. Это было движение, интеллектуально принадлежащее XIX веку. Пользуясь новейшими идеологическими аргументами, оно стремилось достичь целей, определенных социальным положением дворянства. Оно отражало, таким образом, в современных категориях цели, общественная база и обоснование которых коренились в веках давно минувших. Идеологическая реакция на Просвещение объединялась с общественной реакцией дворянства. Романтизм приобрел феодальные черты; феодальный консерватизм дворянства приобрел романтическую окраску. Из их соединения родились характерные" черты, определяемые до сих пор как «немецкое» мышление. То, что бросается в глаза как «немецкий» способ мышления, это доминанция романтических элементов, дополненных элементами «историческими», которые появились в одно время и благодаря одной и той же расстановке политических сил, став мощным фактором союза романтизма с феодальным консерватизмом.

Чтобы понять эту особую связь, следует внимательно присмотреться к социальной природе слоев, участвовавших в той идеологической борьбе. Начнем с романтической оппозиции. Ее составляло в первую очередь дворянство, а кроме того, — «идеологи», литераторы из среднего класса и аристократии, которые стали выступать от имени движения.

Романтизм, трактуемый как идеологическая сила, в истоке своем явился реакцией на Просвещение. Социальную базу его составляли — особенно в период предромантизма — социальные слои, которые стояли в стороне от общих, направленных к развитию современного капитализма тенденций. Очевидно, эти слои могут быть охарактеризованы как мелкая буржуазия («Kleinburgertum»). Серьезную роль, вероятно, играли протестантские пасторы. Речь идет о поколении сыновей пасторов, у которых Просвещение рождает сомнения в отношении традиционной религии, но которые отнюдь не принимают противоположной крайности абстрактного рационализма. Происходит трансформация религиозных основ. Все традиционные мыслительные навыки и эмоциональные порывы, рождаемые жизнью, окружавшей пастора, устояли под напором Просвещения. Лишенные позитивного содержания, они с удвоенной силой были обращены против рационалистической атмосферы эпохи. Восприятие иррационального было возможно только благодаря прежней тенденции выделять и подчеркивать рациональные элементы мышления. Идеологический союз с иррационализмом мог быть заключен только потому, что Просвещение довело до

крайности рационалистические тенденции. Оно смогло представить рационалистическую картину миру радикально и цельно, совершенно исключая, таким образом, иррациональные факторы, отбрасывая вместе с этим такие составляющие человеческой природы, которые делали бы процесс отрицания последовательным. Так были брошены зерна будущей реакции. Поэтому-то элементы иррационального стали предметом особого внимания со стороны тех, кто в силу личных ли обстоятельств, социальной ли традиции еще были в состоянии мыслить и переживать в таких категориях: подобное тому, как в противоположном стане рационалистическое течение находило своих сторонников среди прогрессивной буржуазии, монархистов и бюрократии.

Движение романтизма изначально было связано с различными политическими тенденциями эпохи. С большей или меньшей определенностью можно сказать, что в соответствии с господствующими настроениями предреволюционного периода доминировали прореволюционные симпатии. После французской революции разные группировки движения романтизма пошли своим путем, что определялось социальной структурой данной страны. То, что немецкий романтизм обратился к консерватизму и реакции, объясняется особенностями развития Германии. Во всяком случае в движении усиливались те тенденции, которые с самого начала противостояли новому миру капитализма и либерализма. Особые свойства немецкого романтизма выражаются прежде всего в том, что это движение во все большей степени объединяет идеологическую и политическую оппозицию современному миру.

Политическая и идеологическая враждебность к основным силам современного мира не дает, однако, нам оснований заключать, что движение романтизма представляло собой исключительно реакцию. Романтическое сознание уже переняло и нейтрализовало элементы, принесенные современным рационализмом. Не следует поэтому представлять себе романтизм лишь как нечто диаметрально противоположное, враждебно, рационализму и совершенно от него отличное. Скорее его можно сравнить с колеблющимся маятником — резкое обратное видение от точки наибольшего отклонения в сторону. Подмена рационализма иррационализмом — как в области чувств, так и в интеллектуальной деятельности личности — происходит даже у выдающихся представителей Просвещения. Так, у Руссо и Монтескье крайний рационализм соседствует со своей противоположностью. В Германии предвестники романтизма — представители движения «Бури и натиска» Гамман и Гердер заявляют о себе еще в период расцвета Просвещения. Только этим маятниковым движением, черпающим силу из тех же самых источников, что и рационализм, объясняется то обстоятельство, что в романтизме помимо, несомненно, диаметрально противоположных свойств обнаруживаются черты, напоминающие рационализм XVIII столетия. Это — чрезмерный субъективизм (хотя данная разновидность субъективизма сильно отличается от того, что встречаем в Просвещении) и сосуществующая с четко декларированным программным иррационализмом тенденция к рационализации тех иррациональных сил сознания, которые рационализм Просвещения с его абстрактными методами никогда не мог действительно осмыслить.

В период, когда течение романтизма приобретает черты движения, мы видим его представителей главным образом среди «социально не связанной интеллигенции». Потому его социальная база такая же, то и у движения Просвещения. Но есть и различия. В Просвещении этот слой, как и его философские глашатаи, не утерял связи с собственными историческими и социальными корнями. Буржуазные писатели Просвещения могли еще рассчитывать на идеологическую поддержку со стороны буржуазии. Обращение же к романтизму ставило интеллигенцию в положение все большей социальной и идейной изоляции. Нигде не увидеть ярче, сколь особое явление представляет собой интеллигенция, место которой в социальном организме трудно определимо из-за ее неустойчивого общественного положения и отсутствия прочных позиций в экономике. Немецкая интеллигенция, не укорененная социально, чувствовала себя в тот период не лучшим образом. Не было газет в современном

понимании этого слова. Последние годы жизни Клейста хорошо показывают, что это значило — пробовать издавать журнал вроде «Berliner Abenblafter». Можно было пытаться зарабатывать в качестве независимого писателя — такая профессия только что появилась. Клопшток, Лессинг, Виланд были первыми немецкими писателями, желавшими содержать себя исключительно работой пера. По причине трудностей, связанных с ведением интеллектуалом независимого образа жизни, нет ничего удивительного, что после бурной молодости, проходившей в оппозиции к миру и обществу, человек проявлял тенденции к поиску тихой пристани на постах в бюрократическом аппарате. Биографии большинства литераторов того периода свидетельствуют об этом.

Нестабильность экономического положения в соединении с интеллектуальными запросами, выходящими далеко за сферу личной жизни, приводила к тому, что писатели романтизма высказывали прямо-таки необыкновенную чувствительность наряду с моральной неуверенностью и готовностью к авантюрам, наемным услугам на поприще писания памфлетов. Составляя слой, «неукорененный» в государстве, они не могли зарабатывать на жизнь собственными силами и продавали свое перо какой-либо власти. Они колебались между Пруссией и Австрией. Многих привлек к себе Меттерних, знавший, как пользоваться услугами такого рода. Никогда не имея определенной чиновничьей должности, оказывая обычно услуги как тайные агенты, эти писатели отличаются неконкретностью мышления, останавливаясь на полпути между идеалистической отрешенностью от дел окружающего мира и полной сосредоточенностью чиновника на определенных задачах. Они не являются абстрактными мечтателями, но это и не узко мыслящие практики. Характерно, что они с интересом исследуют специфические черты современной им эпохи — прирожденные философы истории. Это — положительная сторона их позиции, ибо всегда потребны люди, достаточно свободные от обычных обязанностей и повседневной рутины. Чем более сложным предстает социальный процесс, тем нужнее люди, которые в состоянии пролить свет на направление его развития. В начале, либо в одном из ключевых моментов развития, в известной мере решающего для хода истории, мы обнаруживаем в Просвещении умозрительные рассуждения на тему философии истории. Романтическая мысль выполняет ту же самую функцию, хотя пользуется при этом иными, диаметрально противоположными просвещенческими критериями ценности. И именно отсюда проистекает пристрастие немецкой социологии к историософским проблемам, пристрастие, которое все еще является ее характерной в сравнении с западной социологией чертой. Вот позитивный элемент политической мысли романтизма. Ее негативная черта — готовность узаконить любое дело и любые обстоятельства.

Неукорененные интеллектуалы могли быть привержены любой философии. Этот тип идеологов находит аргументы в пользу всякого политического дела, которому служит по случаю. Их собственное социальное положение не связывает их никаким образом. Они обладают невиданно сильно развитым чутьем к окружающим их политическим и социальным течениям, способностью найти подход и внедриться в них. Сами ни в чем не сведущи, но пусть только возьмутся за какое-нибудь дело, пусть только примут как свои чьи-нибудь интересы — и будут разбираться в этом лучше, определенно лучше, чем те, кому эти интересы были навязаны самой действительностью, их социальным положением.

Восприимчивость является, таким образом, особенной чертой их мышления; добродетель же их — не постоянство и непоколебимость, а чутье на перемены в череде событий в духовной и интеллектуальной жизни общества. Поэтому их произведения всегда фальшивы, даже сознательно сфальсифицированы. Но эти писатели всегда, однако, что-нибудь очень точно приметят. В том-то и загадка плодотворности движения романтизма на ниве наук социальных. Романтизм вскрывал проблему и бросал ее в водоворот дискуссии. Он открыл целую новую область исследований. Позднее, правда, последователи его должны были отсеивать факты от

обыкновенного вымысла. «Просвещенный» интеллект французских философов вынужден был возмещать недостаток научных оснований остроумием и «esprit». У романтиков остроумие — разновидность восприимчивости, служащая выявлению тонких нюансов действительности, ловкость и искусное умение эмоционального сопереживания и сочувствия. Таким образом, мыслительный процесс литературного «esprit» романтизма создает элемент того, что можно назвать «качественным мышлением». Другой элемент такого мышления появился в то же время, хотя и совершенно иным образом, на почве представлений, связанных с феодальным консерватизмом. Отсутствие прочных корней в социальной структуре не давало романтикам возможности осознать, конечные следствия, в их мышлении не было исходного пункта — они ведь защищали то, что имело иную социальную базу, то есть слои, социально более предприимчивые. Судьба романтиков типологически сходна с судьбой интеллигенции в современном мире. Это можно последовательно проследить с XVIII века. Судьбы мира мыслей находятся в руках людей социально не укорененных, слоя, классовое родство и общественное положение которого не подлежат точному определению, которое ищет цели своих устремлений среди интересов, слоев, занимающих в социальном порядке более определенное место. Это обстоятельство имеет важное значение для современной мысли, так как конечные цели и направления идеологических движений детерминированы их общественной базой. Если бы эти конечные цели оказались в руках социально не связанной интеллигенции, то они были бы разрознены и разрушены. С другой стороны, однако, без наличия такого слоя социально свободных и независимых интеллектуалов все духовное наполнение нашего становящегося все более капиталистическим общества испарилось и остались бы одни лишь голые интересы, поскольку они лежат в основании и идеи, и идеологии.

Если мы хотим, описывая особую природу мысли писателей-романтиков, пойти дальше вышеназванных двух черт (интерес к философии истории и восприимчивость к качественным различиям), то трудно будет дать более точную дефиницию романтической, нежели та, которую оставил сам Новалис. Он заявлял: «Необходимо романтизировать мир. Таков путь к его изначальному смыслу. Романтизировать — это значит поднять на качественно более высокий уровень. Благодаря этой операции низкая личность отождествится с более высокой, поскольку наша душа складывается из ряда качественно разных уровней. Эта операция нам еще совершенно незнакома. Придавая благородный смысл тому, что вульгарно, черты таинственности — банальному, знание неизвестного — известному, видимость бесконечности, — конечно, я романтизирую все это». Следовало бы переформулировать данную дефиницию этой мыслительной техники, сказав, что основывается она на нахождении высшего уровня и смысла среди фактов имеющейся ситуации. Думаю: выражаю другими словами то, что подразумевал Новалис в процитированном выше. Сразу обнаруживается, что факты и ситуация не создаются и не раскрываются мыслителем-романтиком. Он их просто откуда-то заимствует. Типичный пример применения метода «романтизации» — романтический подход дворянства к католицизму. Существование дворянства — это факт эмпирический. Учитывая все его исторические пороки и достоинства, романтическая мысль вносит свой вклад, давая представление исторического развития дворянства как борьбы двух противоположных принципов. Факты, которые в глазах приверженца позитивистского подхода, сами по себе составляют просто фрагмент причинно связанных ситуаций, получают новую интерпретацию как аспекты смысловой цельности. Такая «романтизация», несомненно, проливает новый свет на факты (всегда что-то будет очень точно замечено), но в то же время скрывает истинные связи.

Мы не должны были посвящать много времени этому методу романтизации, если бы он ограничивался лишь политической сферой. Интересно, однако, что этот метод привел к повторному открытию и уяснению старого способа мышления, который в противном случае оставался бы в тени. Романтическая мысль не находит сама в

себе политических целей. В определенной фазе своего развития она заимствует некоторые основные идеи, противопоставляемые Просвещению, из арсенала феодального консерватизма. Предварительно обработав определенные консервативные тезисы, она романтизирует и развивает их в развернутую методологию, применяя в политических целях.

На важном этапе развития истории немецкой социальной мысли, когда романтизм интеллектуалов (как идеологическая реакция на Просвещение) протягивает руку течению феодального консерватизма, стоит фигура Адама Мюллера с работой «Elemente der Staats Kunst»¹ Он не является автором, который заслуживал бы внимания своей творческой оригинальностью либо бесспорной ценностью личных достижений. Но это одна из тех исторических фигур, что решающим образом способствовали формированию мысли их эпохи, по меньшей мере одного из преобладающих ее течений. Он — прирожденный идеолог и романтик в самом прямом смысле; скорее, воспринимающий, нежели творящий, но вместе с тем знаток, одаренный превосходным чутьем родства и пользующийся им для связывания нитей в веере современных идей.

Поскольку нас интересуют исключительно основные линии мышления, мы здесь не можем подробно обсуждать зачатки политического романтизма. Немногое можно сказать и о юношеских сочинениях Новалиса и Фридриха Шлегеля. Все, что оказалось в них существенного для дальнейшего развития мысли, было тем или иным образом включено в систему Адама Мюллера. Выделяется тут чудесный очерк Новалиса «Христианство или Европа» (1799), но он выражает, скорее, поэтическое видение, нежели политическую мысль. Его идеологический смысл был выявлен Мюллером и заключался в критике протестантизма и хвале католической иерархии. Раскрылось то странное стремление протестантов к церкви, от которой ушли. Начавшаяся вскоре волна возвращения к католицизму имела своей социальной основой интересы Австрии в Священном союзе и ее ультрамонтанство.

Адам Мюллер заметил еще одну черту раннеромантической мысли, имевшую особое влияние на формирование романтической позиции. Речь идет о пантеизме, который как образ мышления оказался в причудливом противоречии с иерархической концепцией структуры мира католической мысли. Впервые в Новое время пантеизм появился в эпоху Ренессанса, философия природы которого была мыслительным отражением пантеистического воззрения на жизнь. Как широкое идейное направление, он был вытеснен развивающимися естественными науками. Но очень заметны были его еще сохранявшиеся многочисленные ручейки. В период «Бури и натиска» пантеизм вновь сильно проявился. Известно, в какой большой степени окрашивает он воззрения Гете. Такая жизненная позиция стала элементом раннеромантической мысли. Поэтому есть рациональное зерно в утверждении, что, когда протестантизм становится атеистическим, он обращается к пантеизму, а когда католицизм становится атеистическим, он обращается к материализму. Пантеистическая позиция доминирует в раннем романтизме и придает ему особую окраску. Важнейшие черты этой позиции — ощущение или идея, что Бог не только стоит у начала мира, не только является Творцом, но живет в каждой крупнице природы. В определенном смысле как свойственный естественным наукам позитивизм, обобщающий и индуцирующий, так и концепции католической догматики противостоят этому типу мышления, хотя и между собой также значительно разнятся.

Католицизм и научный позитивизм сходны в том отношении, что представляют мир рациональным, а, следовательно, доступным рациональному познанию. Потому они могут объединить силы, что часто наблюдалось в прошлом. Для католической мысли чудо (то есть иррациональное) сокрыто в самых основах, в акте Творца и

¹ К. Маннгейм далее в тексте переводит это название как «Elements of politics» или «Основы политики». — *Примеч. переводчика.*

в соотношении. Для естественных же наук иррациональное либо совсем исчезло, либо оказалось перенесенным в сферу трансцендентальных вещей — «Вещей самих в себе». Обе системы мышления во всяком случае допускают такую чистую область, которая в полной мере поддается рациональному познанию. Пантеист же в отличие от такой позиции всюду ощущает Жизнь и Бога. Он чувствует живое, которое недоступно жесткому разуму с его абстрактными родовыми понятиями. Если уж мысль и играет какую-то роль, то с совершенно иной функцией — не распознает и регистрирует правила игры, общие принципы, управляющие миром, а гармонично следует за развитием и изменением мира. Из такого пантеизма проистекают две тенденции мышления. Первая — мыслить аналогиями — видна уже в средневековой алхимии и астрологии и появляется вновь в романтических спекуляциях о природе, чтобы в конце концов обнаружиться на почве политической философии. Этот способ мышления изображает мир наполненным живой материей, но вместе с тем предполагает, что может добраться до скрытых следствий и аналогий. Тенденция мыслить аналогиями не является диаметрально противоположной методу обнаружения всеобщих существенных всемирных законов, поскольку — на свой особый лад — эта форма мышления тоже стремится к открытию всеобщих законов, то есть морфологических законов исследования. Эта мысль становится совершенно пантеистичной, поскольку отбрасывает даже аналогии как модель регулярности, ощущает каждую минуту как неповторимое и несравнимое, в каждом генезисе видит проявление жизненной силы и ставит перед разумом задачу следовать ритму мира. Мысль не должна писать портрет мира — она должна сопровождать его движение. Именно на этой тенденции произрастает все то, что мы называем «динамичным мышлением». Пантеизм XIX века представляет собой особый вид пантеизма, так как становится историческим — переживание истории предстает наивысшим переживанием существа жизни.

В последующем мы более пристально приглядимся к различным судьбам романтического пантеизма. Сейчас ограничимся утверждением, что характерное для пантеизма динамическое мышление стало важным наследством, полученным Адамом Мюллером от раннего периода развития романтизма. Заметим в то же время, что в его мышлении происходит борьба между иерархическим и вместе с тем статическим принципом католицизма и новой динамикой. В «Elemente der Staats Kunst» можно указать пальцем те места, где пантеистическая концепция постепенно исчезает, уступая перед иерархическим образом мысли. Ниже мы еще порассуждаем по поводу влияния на "Elemente" двух мыслителей — Эдмунда Берка и Юстуса Мезера.

Но прежде рассмотрим конкретную социологическую ситуацию, в которой были написаны «Elemente der Staats Kunst» и которая дает нам право считать этот труд исторически репрезентативным. Как оповещает титульный лист, книга возникла из лекций, прочитанных в Дрездене зимой 1808—1809 гг. «в присутствии Его Высочества, герцога Бернарда Саксонско-Веймарского и государственных мужей и дипломатов» и опубликованных тогда же. Мы находим тут отражение состояния ума, не нашего еще — до формирования аристократической оппозиции Герденбергу в 1810—1811 гг. — выхода в практику политической деятельности. Канва этой работы — превознесение роли дворянства и описание феодального образа мышления. Таково ядро, вокруг которого автор развивает свою систему политической философии, прибегая к эффективной аргументации и несравненной интеллектуальной виртуозности. Непосредственным поводом к выбору именно этой темы был памфлет либерального писателя Букгольца под названием «К вопросу о наследственном дворянстве», который по свидетельству Гентца взбудоражил родовых дворян. Не будем обсуждать то обстоятельство, что Гентц в письме к Мюллеру призывал его написать полемический ответ на книжку Букгольца и обещал в награду «весьма благоприятные условия». Для нас этот факт существен лишь постольку, поскольку демонстрирует причинно предопределенный реальными социальными отношениями союз между романтической и феодальной мыслью. Два мыслительных

направления, уже связанные внутренним родством, начали сливаться под воздействием внешних социальных условий.

Сделав эти замечания о реальной общественной обстановке, мы можем теперь приступить к анализу творчества двух мыслителей — неромантиков, оказавших влияние на Мюллера, — Берка и Мезера. Влияние первого более очевидно не только потому, что Мюллер часто на него ссылается и превозносит до небес. Мы имеем «вещественные» доказательства этого влияния — укажем идеи, дословно заимствованные у Берка. Воздействие феодальной мысли на сочинение Мюллера значительно более глубокое и потому его трудно обнаружить, применяя позитивистские методы. Адам Мюллер ни разу не цитирует Мезера. И все же, читая Мюллера после Мезера, нельзя не заметить повторения некоторых определений, связанных с романтическим подходом Мезера. В его сочинениях есть приближение в наивной, неромантической форме к старым феодальным идеям, которые появляются вновь на почве романтизма у Мюллера. Влияние столь глубоко, что единичные черты не выявляются. Иными словами: неважно, заимствовал ли Мюллер эту позицию от самого Мезера, следует лучше задаться вопросом: является ли Мезер представителем мысли столь популярной в его эпоху, что воздействие ее на Мюллера шло через других посредников.

Начнем с менее сложного влияния — с Берка. Для начала следует обрисовать Социальную обстановку. Примечательность Берка заключается в том, что он явился первым автором, кто критиковал французскую революцию. Он был инициатором антиреволюционного консерватизма. Все позднейшие консервативные критике французской революции оставались под большим или меньшим его влиянием. Именно Берк больше, чем кто-либо давал антиреволюционному лагерю идеи и лозунги. Его «Размышления о революции во Франции» явились памфлетом против прореволуционных обществ и клубов, возникавших в Англии. Его комментарии представляют собой, таким образом, спонтанную реакцию на конкретную историческую ситуацию. Если, несмотря на, быстроту, с которой Берк записывал свои наблюдения, так много поднятых им принципиальных вопросов позднее повторяются в сочинениях других консерваторов, если он был в состоянии заметить так много важных аспектов проблемы, то, очевидно, потому, что был уже готов принять ту точку зрения, которая обеспечивала плодотворность размышлений наблюдателя. Англия предлагала особо выгодную перспективу для правильного политического понимания революции, поэтому каждое конкретное замечание превращалось в принципиальный тезис, становилось «философским» — даже для ума принципиально нефилософского, каким и был наделен Берк. Отсюда и особые свойства этой «философии» (и единственная точка соприкосновения между Берком и Мезером в отличие от случая с Мюллером). Ангажированность английского мыслителя в политическую деятельность привела к тому, что мы получили прозорливые философские наблюдения, тогда как Мюллер использует философские принципы для разрешения практических проблем.

Сам по себе интересен факт, что Англия дала первое значительное описание революционной Франции, описание, которое стало основой знания многих поколений. Словно Англия мстила за сформулированный Монтескье общепринятый во Франции и навязанный в течение многих лет всему свету образ Англии.

На вопрос, какие аспекты мысли Мюллера мы находим уже у Берка, следует ответить, что речь идет прежде всего о консервативной позиции, заимствованной Мюллером у Берка. В первую очередь это концепция «истории», если можно так выразиться. Присмотревшись внимательнее, скажем, что «история» в сочинении Берка не представляется еще такой сложной, глубоко романтической, трансцендентальной, как у Мюллера или Савиньи. Эта «история» является только одним из элементов сложной целостности, хотя и очень важным, обеспечивающим «непрерывность». Берк побудил, консервативную мысль учитывать историчность общества. Однако у него еще не видно такого понимания исторического фактора, которое бы каждому продукту органического развития отводило определенное место

на шкале ценностей. Берк не учитывает еще всех оттенков проблемы критериев ценности и не понимает плодотворности реалистического метода, который, родившись на почве историзма, даже для позиции наблюдателя определяет относительное место в общем процессе исторического развития. Берк не учитывает ограниченной глубины концепции общества и синтетического взгляда на целость. Он лишь знает, что лучшие результаты достигаются при постепенном развитии институтов, а не тогда, когда их начинают строить заново. Он принимает во внимание непрерывность, последовательность исторического развития: подчеркивает постепенность накопления исторических сил в прошлом (типично английское сравнение с «капиталом»). Он оценивает прошлое так, словно рассматривает галерею с портретами предков. «Таким способом наши свободы стали дворянской вольностью. Дворянство отличается внушительными и величественными чертами. Оно имеет родословия и великолепных предков, свои гербы и свои цвета. Оценим наши гражданские институты по тому принципу, который использует природа, учащая нас оценивать отдельные личности по их возрасту либо по их предкам.» Это все, однако, относительно бесстрастное определение принципов, а не выражение какой-то переломной, новой позиции. В лучшем случае тут можно увидеть первое появление черты, которую можно назвать «позитивной исторической» концепцией истории в отличие от «негативной исторической» концепции Просвещения. Последовательность и непрерывность исторического развития были для Просвещения элементом чисто негативным. Поэтому нельзя сказать, что консерваторы открыли историю как таковую. Они открыли особый смысл развития, то есть аспекты традиционности и непрерывности. Этот пример ярко показывает важность «социальной укорененности» для понимания истории. Историческое мышление формирует принципиальное отношение познающего субъекта к историческому процессу. Нельзя понять историю, не желая что-либо получить от нее. Проникновение в суть исторического развития, понимание его, продемонстрированное Берком, были бы невозможны, если бы определенные слои не ощущали угрозу своему положению и не опасались, что мир может перемениться.

Историзм, как мы уже показывали, — явление сложное и многостороннее как по своей внутренней структуре, так и в отношении социологических основ. Но в узловых точках он имеет консервативные черты. Всюду, где появляется, он играет роль политического аргумента против революционного разрыва с прошлым. Обычный интерес к истории преобразуется в историзм, когда исторические факты уже не сопоставляются пристрастно с фактами современности, и развитие как таковое становится реальным переживанием. Таков общий смысл «непрерывности» Берка, французского традиционализма и немецкого историзма. Это переживание как общий элемент выступает, однако, наряду с другими, различающимися, факторами, которые определяют особые отличия. Вслед за фактом развития и непрерывности как главным историческим переживанием всегда следует в качестве второго элемента пристрастие к конкретной эпохе в истории и к выбранному социальному слою. И здесь Берк еще раз дал Мюллеру образец для подражания, облюбовав средние века и введя понятие дворянства как главного двигателя истории.

Исследуя значение исторического явления «дворянства», консервативные силы разрешали важную для себя проблему послереволюционного состояния. Но только при очень специфических обстоятельствах общие черты формы социальной жизни видны людям, приходящим в этот мир в данное время. Социология, даже та, которая служит исключительно для поддержки существующих институтов, нуждается в соответствующей перспективе, предполагает определенную дистанцию, но и определенную дозу солидарности с некоторыми факторами. Я уже отмечал важность социально не связанной интеллигенции для прояснения социальной структуры общества. Пример Берка подтверждает верность такого взгляда. Сам Берк к дворянству не принадлежал — был self-made-man и стремился получить доступ в высшие сферы аристократии. Иго социальный статус был переменчив. Именно поэтому он

образцово справился с определением значения и особенности природы дворянства (хотя ему и не чужды были апологетические цели). В Германии интерпретатором дворянства стал также человек среднего класса, коим был Адам Мюллер. Франция дает нам пример того, когда само дворянство осознает значение собственного общественного положения. Объяснение этому естественно искать в факте эмиграции дворян в период революции. Уготованный судьбой отрыв от привычного образа жизни способствовал исторической и социологической проницаемости. Во время подъема или падения по социальной лестнице индивидуум лучше всего постигает социальную историческую структуру общества. Поднимаясь, мы понимаем к чему стремимся, опускаясь — что теряем.

То, что справедливо для разных социальных слоев, в равной степени справедливо и в отношении разных эпох прошлого. Рука об руку с защитой дворянства идет апология средневековья. При этом речь меньше идет о сословной и цеховой системе или о мистицизме, а больше — о рыцарстве. Берк перешагнул, однако, границы обычного пристального внимания к средневековью в то время, когда его считали еще веками «мрака». В его сочинениях ничто не выдает той так характерной для исторической мысли эмоциональной симпатии к предмету исследований, которая совершенно отлична от обычного приписывания позитивного значения историческим фактам. Не найдем здесь и раздувания все еще тлеющих углей прошедшего, что и делало бы возможным социально значимое возрождение прошлого. У Берка защита непрерывности истории дворянства, средних веков еще слишком отдает риторикой. Это пока еще рефлексия, а не особый образ мышления.

Займемся теперь Мезером писателем которого можно считать истинным представителем феодальной мыслительной тенденции. Сразу поражает то, что между его общим воззрением и романтизмом существует огромное различие. Его консерватизм можно назвать «личным», имея в виду то обстоятельство, что он является первой стадией в переходе от обыкновенного традиционализма к осознанному консерватизму. Тут нет ни саморефлексии, ни интроспекции, которые присутствуют у консерваторов-романтиков. Фронтальная атака французской революции на наследственные, традиционные позиции еще ожидает нас. Ведущий мотив рефлексии Мезера — хвала «старым добрым временам». Его мышление полностью принадлежит все еще атмосфере Просвещения. Его мудрость предков холодна, практична, рациональна. Но рационализм Мезера — а мы исходим из того, что существует много вариантов рационализма — это не корыстный абстрактный рационализм буржуазии.

До тех пор, пока плановая экономика не объединит мир, капитализм будет всегда проявлять двойную ментальность. Одним типичным представителем капитализма будет расчетливый бухгалтер, другим — предприимчивый, многократно рискующий авантюрист. Трезвая мудрость Мезера рациональна так, как рационален ум крестьянина. Для него не имеют значения абстрактные факторы. Речь идет о методе осторожного учета конкретных черт ситуации. В основе такого подхода — осторожность и умственная агорафобия, что не позволяет встать лицом к лицу с динамическими факторами. Такая рациональность ни на минуту не покидает сферу непосредственного опыта, бунтует против проникновения элементов иного мира. Она опасается распада общепринятых моральных уз, которые формируют общество таким, каким оно существует. Это консерватизм, не желающий вступать в эксперименты, которые ему непонятны. То обстоятельство, что такой примитивный консерватизм вообще стал предметом для размышлений Мезера, случилось не вдруг, а было следствием проникновения новых идей и подходов из Франции. Они становятся предметом рефлексии. Но Мезер никогда не романтизирует того, что произошло. Может, не желая интерпретировать историю, фактически делает это — в своих целях. Но он никогда не пытается, осознанно или нет, что-то обосновать при помощи натянутых либо побочных аргументов или же придавая этому чему-то «высший» смысл.

Романтики были полны восхищения перед церковью, средневековьем, дворянством — нечто в их собственных мечтаниях делало им эти явления близкими. Искали в них компенсации за свои трудности. Отношение романтиков к идеалу никогда не основывается на интенсивных исследованиях. Идя следом за мечтой, они едва касаются поверхности: «Это были чудные, славные времена, когда Европа была христианской страной, когда только христианство владело людьми в этом уголке света, когда единственные могущественные узы общих интересов связывали самые отдаленные провинции обширной духовной империи». Это первые слова очерка Новалиса «Христианство или Европа». Они приближают то настроение, которое в дальнейшем автор развивает, — настроение, а не тему.

Подход Мезера совершенно иной. Он не подходит к своей теме — он в ней живет. Он не возвращается в прошлое — он живет в осколках прошлого, которые еще сохраняются в настоящем. Он живет в них, и мысль из них рождается. Прошлое — это не что-то уходящее, а интегральная часть жизни, не только воспоминание, но интенсивное переживание чего-то, что все еще существует и утрата чего является пока только угрозой.

Перевод подготовлен Э.М. Телятниковой
в лаборатории культурологии ИНИОН РАН